

С. И. Петров

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется взаимосвязь проблемы обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития с управляемостью в обществе. Новые вызовы и угрозы, условия неопределенности требуют поиска новых концептуальных подходов к исследованию роли государства и совершенствованию управления по противодействию внутренним и внешним деструктивным факторам. В результате анализа автор приходит к выводу, что процесс выработки и реализации политики национальной безопасности тесно связан с политическими сетями. Не умаляя ключевой роли государства, специалисты видят в этом значимые резервы повышения управляемости в системном решении проблем безопасности и устойчивого развития страны. Вместе с тем следует учитывать, что сетевые альянсы, открывая перед государством новые перспективы по поиску оптимальных решений в этом аспекте, усложняют процесс разработки и реализации государственной политики. Поэтому нельзя допускать перекосов в управлении. Иначе внешнее давление, узкогрупповые интересы и неформальные практики будут определять содержание управленческих решений по обеспечению национальной безопасности. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: управляемость, безопасность, угрозы, геополитика, развитие, государство, политические сети.

Petrov S. I.

CURRENT ISSUES OF IMPROVING SOCIETY MANAGEMENT TO ENSURE NATIONAL SECURITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article explores the problems of the relationship between national security, sustainable development and the manageability in the society. New challenges and threats, conditions of uncertainty for the state require new conceptual approaches to the study of this problem. It is important to investigate the role of the state and improving governance to counter internal and external destructive factors. As a result of analysis, the author concludes that the process of policy formulation and implementation of national security is closely linked to political networks. They constitute significant reserves of increase of the controllability of the system security issues and sustainable development of the country. However, one should consider the fact that while network alliances open new perspectives to the state to find optimal solutions, they also complicate the development and implementation of public policy. Therefore, avoiding mismanagement is crucial. Otherwise, external pressure, the interests of small groups and informal practices will determine the content of administrative decisions on national security. Refs 13.

Keywords: manageability, security, threats, geopolitics, development, government, political networks.

Современные мировые процессы характеризуются высокими уровнями нестабильности и неопределенности, порождают риски и новые угрозы. В этих условиях перед государственным управлением стоят сложные задачи сочетания управляемости обществом и обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности, от которых зависит устойчивое развитие страны.

Петров Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; Petrov.sergeiivanovich@yandex.ru

Petrov S. I. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Petrov.sergeiivanovich@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС», проект № 14-03-00816.

Одной из самых влиятельных сил современного мира является глобализация. После окончания холодной войны она проявляется в различных сферах: в экономике, политике, социальной сфере, культуре, активно влияет на соотношение и расстановку сил на международной арене, на военную безопасность, экологию, духовность, демографическую ситуацию. Это влияние проявляется как в позитивном, так и в негативном плане. Глобализация как явление имеет два аспекта развития:

— позитивный — взаимообогащение стран, участвующих в процессе глобального сотрудничества;

— негативный — недобросовестная конкуренция и подавление более слабых партнеров посредством формирования разнообразных механизмов давления и закабаления.

Если первая тенденция реализуется эволюционно и способствует гармонизации международных отношений, то вторая является следствием агрессивного давления более сильных партнеров на слабых посредством своего экономического потенциала. Вследствие этого глобализация не дает возможности государствам развиваться самобытно, с учетом сложившихся особенностей и исторических традиций, сужает возможности для властей, граждан самостоятельно выбирать путь социально-экономического и духовного развития в соответствии с национальными интересами.

В связи с этим основными угрозами национальной безопасности отдельных государств, порожденными глобализацией, называют:

— неконтролируемые международные переливы капитала, дающие свободу действий транснациональным корпорациям и международным финансовым спекулянтам, а также быстро распространяющиеся на другие регионы локальные экономические кризисы;

— сложности в приспособлении к глобальным процессам для развивающихся стран и государств с переходной экономикой. Неравные стартовые возможности вынуждают эти страны принимать невыгодные для себя «правила игры» более сильных участников процесса;

— все возрастающий разрыв в уровне благосостояния и степени вовлеченности в процессы глобализации между богатыми и бедными странами, вынуждающий последние делать однозначный выбор для своего развития — либо зависимость, либо изоляция;

— опасность культурной унификации мира на базе англо-саксонских традиций и стереотипов, поведенческих моделей и культурно-бытовых норм, что означает утрату собственных ценностей и, как результат, опасность обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов;

— вытеснение из мировой сферы занятости низкоквалифицированной рабочей силы, что отражается, в основном, на развивающихся странах;

— интернационализация организованной преступности [1, с. 42] и др.

Таким образом, глобализация как общемировой процесс противоречива. Она влечет неопределенность, риски, новые угрозы и требует совершенствовать механизмы управления по обеспечению безопасности в разных сферах жизнедеятельности.

Поиск адекватных путей повышения эффективности управляемости в этом аспекте предполагают и геополитические процессы. Как известно, ведущее место в геополитике занял тезис о превосходстве западной цивилизации над остальными.

Народам России, Ближнего и Среднего Востока приписывались генетическая агрессивность, неприятие демократии. В общей линии геополитической мысли Запада наиболее ярко выражен «атлантизм». История свидетельствует, что геополитика атлантистов оказалась агрессивно-наступательной, а геополитика Евразии пребывала в состоянии пассивной обороны. Это способствовало распаду СССР и разрушению единства славянского мира.

После победы в «холодной войне» геополитическая мысль на Западе разделилась на два течения: «неоатлантизм» С. Хантингтона и «конец истории» Ф. Фукуямы. Хантингтон изложил свою доктрину неоатлантизма в известном труде «Столкновение цивилизаций». В центре его доктрины стоит проблема отношений Запада и Востока. По мнению Хантингтона, стратегическая победа атлантистов над евразийцами не есть победа цивилизационная. Запад и Восток по-прежнему цивилизационно стоят далеко друг от друга. Западные ценности — рынок, либерал-демократия, индивидуализм, права человека. Восточные ценности — коллективизм, приверженность традициям, патернализм и т. д. Этот фактор создает условия для противостояния Запада и Востока. Хантингтон делает вывод, что надо готовиться к нему, заранее регулировать, сдерживать антиатлантистские настроения и тенденции, не допускать соединения геополитических центров противостояния Западу в единый союз.

Для этого следует:

- более тесно сотрудничать, обеспечивая единство между США и Европой;
- интегрировать в западную цивилизацию те общества в Восточной Европе и Латинской Америке, чьи культуры близки к ней;
- поддерживать группы, ориентирующиеся на западные ценности и интересы в других цивилизациях;
- усиливать международные институты, отражающие западные интересы и ценности, и обеспечивать вовлечение незападных государств в эти институты [2, р. 49].

Конечно, глобализация является объективной тенденцией. Но она при господстве США проявляется как тенденция американизации мира. Глобализация осуществляется прежде всего в интересах транснационального капитала и правящих кругов США. Об этом откровенно пишет З. Бжезинский. В книге «Великая шахматная доска» он призывает выработать и применить комплексную, всеобъемлющую и долгосрочную геостратегию по отношению ко всей Евразии, при этом с явной антироссийской направленностью. Он развивает идею об Украине как геополитическом противовесе России, основанную на убеждении, что главное условие возрождения «российской империи» заключается в поглощении Россией Украины [3, с. 230–254].

Можно спорить с Хантингтоном о степени отличий «славянской» цивилизации от западной и с Бжезинским о судьбе Украины, но нельзя не заметить, что последние десятилетия Украина обрабатывается по их рецептам. Отрыв ее от России осуществляется в первую очередь в сферах истории, религии, языка. Религиозные, культурные особенности, а также воспитание новой элиты делают данную страну весьма удобной для исполнения функций зоны постоянной нестабильности в Восточной Европе. Гражданская война, милитаризация, долговременный конфликт с Россией — такова цена, которую по сценарию США суждено заплатить народу Украины за стабильность проекта мирового доминирования США. В результате нарастают новые угрозы для РФ и Европы.

Любая социальная система подвержена влиянию самых различных факторов, от которых зависит ее стабильность. В качестве факторов, влияющих на стабильность общества, на его жизнеспособность, могут выступать, с одной стороны, самые различные процессы и явления, которые в разных трактовках именуется вызовами истории. Как отмечал А. Тойнби, «общество в своей жизни сталкивается с серией задач, которые оно и решает приемлемым для себя образом. Каждая такая проблема — это вызов истории» [4, с. 26]. С другой стороны — это процессы и явления, возникающие в качестве ответов на данные вызовы и являющиеся реакцией социальной системы на возмущение. Они тесно связаны с управляемостью обществом.

Устойчивость социальной системы зависит от качества и оперативности решения обществом проблем противодействия внешней социальной экспансии и внутренним негативным воздействиям. На этом уровне следует выделить две группы критериев. С одной стороны, это критерии параметров внешней социальной экспансии и внутренних негативных процессов и явлений (их проявлений, воздействий на социальную систему): их характер, интенсивность, длительность, последовательность. С другой — критерии параметров самой социальной системы: наличие в ее структуре механизмов, предназначенных для противодействия тому или иному дестабилизирующему воздействию; их качества, характер отношений между ними. Можно выделить еще один уровень (условно его можно назвать уровнем технологий), позволяющий более глубоко оценить механизмы дестабилизации социальной системы и ее элементов [5, с. 31].

Все типы воздействия на социальную систему можно представить как явления, процессы, тенденции, в той или иной мере увеличивающие нагрузку на систему, что требует от нее мобилизации дополнительных ресурсов. Если такие ресурсы имеются, то система сохраняет свою устойчивость. Отсутствие же необходимых ресурсов может привести к самым негативным для общества последствиям. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи между параметрами потенциала противодействия негативным воздействиям социальной системы и вероятностью ее устойчивого развития. Данное обстоятельство очень актуально для России в условиях расширения санкций Запада.

Развитие станет безопасным во всех сферах, если оно будет осуществляться в рамках устойчивого развития, которое реализует обеспечение безопасности на необходимом и достаточном уровне. Не случайно в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. сущность национальной безопасности и национальных интересов тесно связана с устойчивым развитием страны. В модели устойчивого развития расширяется список основных субъектов безопасности. В традиционной модели развития главным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через все властные структуры. Субъектами безопасности являются также граждане, общественные и иные организации и объединения, обладающие правом и обязанностями по участию в обеспечении безопасности. При этом государство как основной субъект обеспечения безопасности реализует правовую и социальную защиту граждан и общественных организаций. В модели устойчивого развития к данным субъектам обеспечения безопасности добавляются субъекты наднационального уровня, увеличивается значение и роль гражданского общества.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. подчеркивается, что организационная поддержка ее реализации заключается в совершенствовании

государственного управления страной, а также в развитии системы национальной безопасности на основе механизмов стратегического планирования устойчивого развития России [6, с. 8]. Возникает вопрос о показателях и критериях состояния национальной безопасности, охватывающих все виды безопасности, входящие в ее комплексное понятие. И в связи с этим целесообразно соединить в одно целое перечень показателей национальной безопасности и индикаторов устойчивого развития, которые предложены для измерения его динамики на национальном и международном уровнях.

Таким образом, безопасность и устойчивое развитие страны тесно взаимосвязаны и представляют единую целостную систему. Стратегическая цель обеспечения безопасности и устойчивого развития России предполагает все угрозы безопасности рассматривать в комплексе: в политической, экономической, военной, экологической, социальной, технологической, информационной и других сферах. Вот почему безопасность любой страны непосредственно связана с политическими, экономическими, социальными, научно-техническими, демографическими аспектами развития общества, а также с состоянием образования и воспитания, с духовной жизнью общества, и включает в себя сложный механизм сохранения и развития системы ценностей и интересов нации. Поэтому обеспечение безопасности носит системный характер. В самом общем виде принцип системности означает, что всякое явление объективной действительности рассматривается с позиции системного целого и его закономерностей [7, с. 16].

Для России системное обеспечение безопасности означает деятельность государства, всего общества, граждан в отдельности, направленную на защиту национальных ценностей и интересов и их обогащение. Идея национальной безопасности тесно связана с концепцией устойчивого развития и выступает в качестве ее неотъемлемой части, одновременно являясь условием ее реализации. Таким образом, обеспечение безопасности должно быть направлено не просто на нейтрализацию угроз, но и на осуществление комплекса мер по сохранению и развитию материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета государства, создающих основу политики безопасности.

В целях обеспечения безопасности общества и его развития принимаются законы, правила жизнедеятельности, а также образуются различные органы. Структурируясь, они формируют институты обеспечения национальной безопасности. Согласно определению Д. Норта, институты — это совокупность «правил, связанных с ними механизмов реализации и норм поведения, структурирующих и облегчающих взаимодействие между людьми» [8, с. 71]. Ключевая роль здесь несомненно принадлежит государству как центральному актору разработки и принятия решений в сфере безопасности. Вместе с тем современное государство не может развиваться без учета тех изменений, которые были внесены в его деятельность на предыдущем этапе с учетом основных условий и факторов постиндустриального, глобального, информационного общества. Условия неопределенности требуют поиска новых концептуальных подходов к анализу роли государства и изменений в системе управления. В деятельности государства возрастает значение его координирующей функции. Она выходит на первый план по сравнению с другими его функциями [9, с. 65].

Известно, что государственная политика в сфере безопасности разрабатывается с учетом множества обстоятельств и условий высшими органами государственной

власти при участии других субъектов политики — партий, общественных организаций, образовательных и научно-исследовательских центров, влиятельных представителей сфер бизнеса, обороны, спецслужб. Однако остается открытой проблема, какие модели государственного управления и в каком сочетании способны адекватнее отражать волю всего социального спектра общества, национальные интересы и показывать при этом более высокую эффективность. Уже не первый год именно за низкую эффективность и невнимание к потребностям и запросам граждан подвергается критике традиционная модель государственного управления, основанная на иерархической системе взаимодействия общества и власти. Ее суть в том, что государство выражает чаяния и интересы общества, которые воплощаются в стратегии, программах, законах и реализуются бюрократическим аппаратом всех уровней.

Определенную популярность в теории и практике государственного управления некоторых стран стала приобретать идея сокращения масштабов вмешательства государства в различные сферы жизнедеятельности общества и расширения возможностей для включения рыночных механизмов. Однако рыночные инструменты управления в жизни не показали себя универсальными и тоже критикуются по ряду позиций, прежде всего — за невозможность обеспечить принцип социальной справедливости и оптимальное сочетание безопасности личности, общества и государства. Таким образом, современному государству не удастся удовлетворить общественные потребности в рамках традиционных моделей управления, и существует запрос на более совершенную модель. Вот почему в качестве альтернативы иерархии и рынкам появилась сетевая модель управления, призванная сократить разрыв между обществом и государством, интегрировать их потенциалы и благодаря объединению ресурсов в решении актуальных социально-экономических и политических проблем обеспечить более высокую адаптивную способность власти принимать адекватные и эффективные решения в условиях нестабильности, новых вызовов и неопределенности.

Таким образом, речь идет о кардинальном изменении политического подхода и управленческого порядка от иерархий и рынков к сетевым структурам. В результате образуется новая форма государства — так называемое сетевое государство, в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласования на всех уровнях. При этом, в противоположность государственному управлению, сетевое руководство (governance) менее статично. Такое понимание управления («как процесса сотрудничества и взаимодействия») «определяет и новое понимание субъектов и структуры управления. Это равноправные члены сети, объединенные состязательными в поиске оптимальных решений отношениями, производящие выбор оптимальных решений на основе компромиссов, организующие совместно реализацию принятого решения» [10, с. 76].

Особый интерес представляет оценка учеными роли государства в новой архитектуре общественных отношений. Подходы авторов приведенных трудов в данном аспекте в целом схожи: сетевое управление предполагает отказ от доминирования государства. Вместе с тем, например, в монографии О. В. Михайловой небезосновательно отмечается, что «высокая управленческая эффективность негосударственных акторов в решении коллективных проблем не отменяет монополии государства на использование принудительных мер, не сокращает его властных полномочий» [11, с. 32]. Более того, О. В. Михайлова вполне обоснованно полагает, что

государство в условиях нового типа государственного управления, основанного на идее «governance», по-прежнему должно быть сильным. В книге под редакцией Л. В. Сморгунова мы встречаем аналогичный принципиальный подход: государство не должно быть слабым, меняются лишь его функции, возрастает координационная, стимулирующая роль государства, направленная на обеспечение совместных, согласованных действий государства и граждан [10, с. 67].

Итак, как уже отмечалось, уровень координации акторов политической сети прямо влияет на эффективность управления. Однако возникают проблемы обеспечения четкой горизонтальной координации и ответственности за полученный результат, что особенно важно в аспекте безопасности. В связи с этим О. В. Михайлова, опираясь на исследования зарубежных ученых, констатирует, что разделение ответственности за реализуемую политику между многими участниками не позволяет идентифицировать лицо, в полной мере отвечающее за конкретную сферу активности. При этом, ссылаясь на утверждение Г. Петерса, что только «сильные вертикальные связи между социальными группами и общественными организациями обеспечивают эффективную координацию», делает вывод: «...сетевое управление ослабляет не только ответственность, но и координацию, важную для... государства в целом» [11, с. 59]. Таким образом, по нашему мнению, вопросы взаимоотношений в сети по поводу нейтрализации угроз очень сложны, и наиболее острой является проблема управления сетями, сетевыми коммуникациями, так как может возникнуть множество ситуаций, не предусмотренных изначальными планами. Более того, можно небезосновательно утверждать, что на всех управленческих уровнях государство будет вынуждено инициировать создание коммуникативных площадок в целях сближения или преодоления узкогруппового видения проблем безопасности ключевыми акторами различных политических сил и гражданского общества. В этих условиях политики и государственные служащие должны пересмотреть традиционные методы управления, осваивая роль посредника, медиатора, арбитра. Не случайно в таких условиях особое внимание уделяется сетевому сотрудничеству на принципах партнерства, справедливости, ответственности, честности, доверия, принимаемых всеми участниками сети. При этом «новые возможности координации и управления открываются применением информационных технологий в государственном управлении, расширением круга пользователей сетевых технологий. Все это предьявляет иные требования как к государственным гражданским служащим, так и широкому кругу граждан...» [10, с. 81].

Особый интерес для управления представляет рассмотрение сетевых коммуникаций как производителей знания. Так, в работах П. Химанена, М. Кастельса, Р. Макфи, П. Зога, И. Нонака утверждается, что сетевые формы организационной коммуникации отличаются от предшествующих, несетевых форм значительным акцентом на передаче знания, а не информации. В этом отношении «сетевые структуры более эффективны, чем большие иерархические структуры» [12, с. 45]. Данное утверждение принципиально значимо для развития инновационного процесса в современной России, который в условиях иерархии и рыночной координации не отвечает вызовам времени. Вот почему ученые выделяют особый вид сетей — «инновационные сети», которые, как правило, объединяют инновационные институты и целенаправленно ориентируются на производство и внедрение инноваций. Следует признать, что особое значение коммуникативные компоненты менеджмента знания имеют для

государственного управления, ориентированного на обеспечение социальных потребностей и сотрудничество с гражданским обществом в этом плане.

Нельзя также не обратить внимание на стремление исследователей публичной политики выявить и проанализировать новые формы взаимодействия власти и граждан. В качестве такой формы, появившейся в результате повышения роли социальных сетей и интенсификации информационно-коммуникативных технологий, называют «краудсорсинг» (согласно терминологии американского ученого Э. фон Хиппеля). На основе данной технологии анализируется политический краудсорсинг. Политический краудсорсинг представляет собой целенаправленную деятельность субъектов политики по использованию ресурсов граждан, организованных в общественные сети в online-пространстве для коллективного создания (идеи, проекты) и/или закрепления (решения, практики) политических инноваций в сфере политики. При этом источником инновации является коллективный разум индивидуальных акторов, осуществляющих краудсорсинговую деятельность в организованных общественных сетях [10, с. 214]. Как видим, краудсорсинг в практике политико-государственного управления в полной мере соответствует принципам сетевого подхода в политике и организации ее демократической выработки. В связи с этим несомненный интерес представляют выявление и анализ субъектов, видов и технологий краудсорсинговой деятельности, а также обобщение опыта использования краудсорсинговых ресурсов в современной публичной политике по обеспечению безопасности, в том числе первые шаги его внедрения в практику электронного правительства. Признавая значимость данного опыта, нельзя не согласиться с выводами авторов коллективного труда о том, что в России инициатива внедрения политического краудсорсинга в основном исходит «сверху», а краудсорсинговые проекты, исходящие «снизу», становились актуальными в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (пожары, наводнения и т. п.) [10, с. 215–219]. Представляется, что спектр их применения в сфере безопасности должен расширяться.

В целом анализ показывает, что в решении проблем безопасности должен участвовать более широкий круг субъектов и должны использоваться современные технологии. В частности, ученые постмодернистского направления утверждают, что в современном мире обсуждение вопросов безопасности должно выйти за пределы компетенций только профессиональных военных и политиков. Традиционные способы обеспечения национальной и международной безопасности не справляются с новыми угрозами [13, с. 162].

Таким образом, процесс выработки политики безопасности тесно связан с политическими сетями. Развивающаяся в условиях демократии и неопределенности управленческая парадигма имеет тенденцию к перемещению основных рычагов управления от государства и рынка к гражданскому обществу. В этом видятся значимые резервы повышения управляемости в решении проблем безопасности. Вместе с тем сетевые альянсы, открывая перед государством новые перспективы по поиску инновационных решений, усложняют процессы разработки и реализации государственной политики в этом аспекте. Принимая во внимание темпы изменения политической и экономической ситуации, динамичную активность сетей, нельзя допускать перекосов в управлении, когда внешнее давление, узкогрупповые интересы и неформальные практики будут определять направленность деятельности государственных институтов. В противном случае развитие политического процесса может

оказаться еще более непредсказуемым, чем решаемые посредством сетей проблемы обеспечения безопасности.

Литература

1. Бабурин С. Н., Дзалиев М. И., Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография. М.: Магистр: ИНФРА М, 2012. 512 с.
2. *Huntington S.* The Clash of civilizations // *Foreign Affairs*. Vol. 72, N 3. Summer. 1993. P. 22–49.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 128 с.
4. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 358 с.
5. Антюшин С. С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция). М.: ВУ, 2004. 140 с.
6. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года. Утверждена указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537. М., 2009.
7. Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Изд-во политической лит-ры, 1986. 400 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
9. Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012. 362 с.
10. Сетевой анализ публичной политики: учебник / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2013. 320 с.
11. Михайлова О. В. Сети в политике и государственном управлении: монография. М.: ИД КДУ, 2013. 332 с.
12. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: Логос, 2002. 224 с.
13. Ланцов С. А., Усмонов Ф. И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4, № 2. С. 151–163.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2014 г.